

А СВОИ НОВЫЕ КНИГИ ОНИ СМОГЛИ ВЫПУСТИТЬ БЛАГОДАРЯ СТИПЕНДИЯМ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОЛУЧЕННЫМ В МИНУВШЕМ ГОДУ ПРИ АКТИВНОМ СОДЕЙСТВИИ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

* * *

Александр Блок в своей знаменитой речи «О назначении поэта» сказал, что суть этого назначения-призвания отнюдь не весёлая, а трагическая.

Филипп Пираев, похоже, именно так осознаёт свою роль, видя в нынешнем кризисе цивилизации приближение апокалипсиса: *«Не по прутьям каждый шаг — по сердцам. Чтоб всей грудью, сняв повязку с лица и в софиты, словно в вечность, смеясь, — пить молитвы сотен преданных глаз. Но, повязан слепотою мирской, тщится разум: для чего и в какой страшной смете день за днём множишь ты близость смерти на восторг высоты».*

Сегодняшняя действительность всё больше похожа на «цирк де Солей», на полёт над бездной. Стремление к истине перекрывается стремлением к эксперименту и комфорту. Человек то и дело переступает порог дозволенного в священном писании: «Богу — богово, кесарю — кесарево».

Филипп Пираев, автор недавно выпущенной книги «Гений момента», похоже, осознаёт, что дело поэта — не только Дар, но и Крест. И в этом он верен традиции отечественных пророков: от Пушкина до Юрия Кузнецова. Главное — суть, мысль, чувство. Главное — достоинство, честь, совесть. И любовь: *«На уличном кларнетисте — промокший от снега шарф. Стоит он среди павших листьев, затылок к стене прижав... Похоже, малой с приветом, — промчавшись, дивимся мы. А он им играет лето в преддверии злой зимы».* А соответствует ли форма влиянию изменчивой моды — вообще дело пятое. Ведь и постмодернизм, кажется, исчерпал себя, а поэзия не умирает. «Когда строку диктует чувство», чувство же и форму подсказывает. И интонацию. И ритмику. Будто слышит душа звуковые волны. А слыша их —

*и любишь жизнь за то, что ей не скрывается
от ледящих скальпелей судьбы.*

Не сомневаюсь, что Филипп Пираев — настоящий поэт.

Стихи, да и проза второй книги Галины Булатовой «Яблоко» — это чистая, сугубо женская нота в современном литературном процессе. Она необходима в нынешнем раздраре, как необходим бывает белый платок, брошенный женской рукой в толпу дерущихся мужчин, чтобы наступил мир.

Поэтическому мастерству Галины Булатовой можно завидовать или просто радоваться (кому как). Её находки, её «изюминки» греют душу:

Если есть у свободы запах, это запах родной реки...

Где ветка касается робко Горячей щеки фонаря...

Вдохновение — вдох, А поэзия — выдох...

Спят в скворечнике ветра...

А ночное небо у неё — «звёздоблюстилице» (обязательно через ё), а в некой Зелёной зоне у неё «бродят стадами дубы, как бизоны». А вслушайтесь в звукопись: «Сызрань — сыздавна, сызмала, сызно», или «Слово. соловушко, соловей» (в эти два стихотворения нельзя не влюбиться)! Поистине бунинская одарённость: особое зрение, абсолютный слух, тонкое обоняние! Отсюда некая самородность, естественность поэтической речи — будто из воздуха всё это пришло, или родной природой навеяно, или с неба услышано.

Умение, мастерство дают возможность Галине Булатовой сделать фактом поэзии даже описания собственных скитаний по городам и весям. Читая её стихи, чувствуешь запахи «Волги, Вятки, Оки и Камы» (так названо стихотворение), запахи марийских лесов, видишь картины Казани, Нижнего Новгорода, Тольятти, Елабуги, Йошкар-Олы, Сызрани, а также Прибалтики и Парижа. И всё это с искренней любовью, к тому, что называется Родиной, или с искренним уважением к иному.

И читателю, знакомому с первой книгой Галины Булатовой «Сильнее меня», нельзя не вспомнить её переводы с татарского поэтов Рамазана Байтиминова, Эльса Гаделева, Наби Даули, Фирдуса Девбаша, Фатыха Карима, Лябиба Лерона, Туфана Миннуллина, Рузали Мухаметшина, Гарая Рахима, Хасана Туфана, Ленара Шаеха. К ним такой же искренний интерес, в них такое же искреннее уважение к языку народа-соседа. Они скроены и сшиты с таким же тщанием, как и собственные стихи.

А кредо самой Галины Булатовой тоже имеет гражданское звучание, выраженное без ложного пафоса:

*Бредём, опутанные сетью
По третьему тыщачелетью.
Вокруг да около война,
А позади одна страна.*

Нужна, необходима сегодня женская лирика, поскольку она замешана на материнской боли. А боль по заверению поэта Галины Булатовой «всегда звучит, как Бог». Не случайно же «Яблоко» на обложке книги расширяется: Я, Бог, Любовь и ОКО.

*Мне тридцать... Игра, право слово, не боле.
Я девочка, женщина, ветер на воле.
Внезапная блажь, потаённое зелье —
ещё на губах не застыло веселье,
но я уже знаю, что скоро поманит
иное, что прошлое плотно затянет
туманом. И скрипнут протяжно ворота,
я стану лишь временем, точкой отсчёта*

Это стихотворение написано Екатериной Беляевой-Чернышёвой за 10 лет до её нынешнего возраста. За плечами — начало самостоятельной жизни без опеки родителей, которые «научили (так сказано в посвящении к книге) быть счастливой и даже когда плохо, видеть красоту...» Спасибо родителям за науку, ибо лирическая героиня стихотворения (она же автор) стала «точкой отсчёта» двум новым жизням, обретая замужество, став любящей матерью. Разве не в этом женское счастье?

Нет смысла оспаривать столь риторический вопрос. Но никуда не уйти от ответственности за будущее детей, семьи, матери, живущей в Казани, да и Отечества, по большому счёту, коль всё это, родное и любимое, колеблется на той же грани добра и зла, веры и безверия, бытия и возможной катастрофы? И вот уже в стихотворении, написанном в 2016 году, Екатерина Беляева-Чернышёва, признаётся: *«Страшно мне, Господи! — нет у меня ответов; вольно мне, Господи, жить меж твоих вопросов»*. Вольно ли, если вдруг вздумается рабе Божьей не только отвечать на вопросы, но и задавать их всему мирозданию, ибо, верь — не верь, она почувствовала, ощутила и поняла: *«не заменить безвременью и бессмертью кратких минут осторожных прикосновений»*. Кратких минут счастья, наверное, которое быстро течно... Не случайно же стихотворение «Скупой рыцарь» (о старике-скупце и сыне-расточителе, разумеется) заканчивается двумя строчками, констатирующими *«двух крайностей равно порочных непримиримое родство»*...

Признак истинного поэта — его стремление не уклоняться от вечных вопросов. В подтверждение приведу строки ещё одного стихотворения Екатерины: *«То случай иль крыло упруго над ними демон распостёр: они смотрели друг на друга через костёр. Был жар земной и мрак небесный („Не смей, не говори, не строй...“). Им оставался шаг до песни — через огонь. И этот шаг, из ниоткуда, всех стоил пройденных шагов, и так легко творилось чудо без лишних слов. Вокруг происходило что-то, но мимо шло, поверх голов. Миг оставался до полёта — через любовь»*. На этом месте прерву цитату, чтобы искренне пожелать Кате Беляевой-Чернышёвой творческого полёта в будущее через любовь.

Наверное, не я один готов повторять крылатые строки Владимира Соколова: *«Мне нравятся поэтессы, // Их пристальные стихи, // Их странные интересы, // Загадочные грехи...»*. А ещё больше я люблю строки Владимира Солоухина: *«А женщина женщиной будет — // И мать, и сестра, и жена»*. Есть в них то, что выше мужского иронического любования. Женская лирика будто предназначена для «смягчения нравов». И это особенно актуально в наше поистине трагическое время, когда мир, кажется, висит на волоске.

Стихи из тоненькой книги Елизаветы Курдиковой «Диагональ смятений» взывают о мужской защите от надвигающейся беды. Все сгустившиеся противоречия мира, кажется, впелись в судьбу двух любящих людей: «*Мы друг о друга вдребезги разбиты, Но этим – только этим – спасены!*» И это не фантазия, а реальность нынешней смуты – смуты нравов, прежде всего. Заметьте, лирическая героиня (она же – автор) и смеётся – «навзрыд». И просит: «Не пускай меня в эту ночь!»

Многие стихи Елизаветы хочется цитировать. Их не надо объяснять. Они сами по себе предельно ясны и предельно остры. Они вызывают со-чувствие.

*Через вечность по знойным травам придёшь босой.
Вспомним всё, что сбывалось да не сбылось.
От волос твоих пахнет сладкой степной росой,
Я целую тебя, целую тебя – насквозь...*

А ещё одно стихотворение не могу не привести целиком:

*Господи, запуталась и влипла.
Господи, спаси меня, спаси!
Так веками, стало быть привыкла
Дурочка молиться на Руси.
Исполняясь мраком преисподней
И холодным ужасом ночным,
От господской воли до Господней
Подниматься, обращаясь в дым!
И бессилья горестную чашу
Пить до дна, едва касаясь губ...
Это тоже, тоже доля наша –
Вместо мужика вставить за плуг.
Господи, о чём же я просила,
Белый свет по матушке кляня,
Что безумства роковая сила
Изнутри оплавила меня?*

Несмотря на молодость (поэтессе только 25 лет), она уже душой и сердцем усвоила уроки Александра Блока о том, что роль поэта в мире отнюдь не весёлая, а трагическая.

Не зря же, обращаясь уже к Цветаевой, пророчествует: «...нам ли удачу приваживать, певчим?» И уже откуда-то знает: «...я с рожденья чуточку не вправе распоряжаться собственной судьбой». И судьба-то у неё – «свекруха».

Что это? Клеймо на лбу? Или золотая стрела Аполлона, знак избранности? Не рано ли? Неужели тень Лермонтова?

Не нам судить. Но есть стихи, которые говорят о том, что поэт состоялся.

*Спусксовая отдача судьбы –
Непреложная горечь отваги.*

*Разбивайте высокие лбы
О безжалостный призрак бумаги...*

*Тайнодействуй, безумный атлант
На пути к невечернему свету!
Все грехи прощены за талант,
Но талант не простится поэту.*

И хочется спросить. Уже понимая свой путь, за что же ты держишься, душа молодой ещё оренбургской поэтессы Лизы Курдиковой? За надежду из твоего же стихотворения «Зарисовки по Паустовскому»?

*Выжжены, разбиты все печные трубы.
Намертво застыла белая зола.
Поздние молитвы робко шепчут губы,
Из бездонных окон жадно смотрит мгла.
Но проснётся утро, в стуже не завянет,
И снега растопит, и прогонит ночь,
И отступит горе, и рассвет настанет,
Чёрные метели унесутся прочь.*

Надежда-то призрачна, но проникнитесь – это и мать, и сестра, и жена не о себе молится, а о нас с вами, обо всём живом и сущем!

Книгу Елизавете Курдиковой помогли выпустить её мудрая наставница Диана Кан и руководитель Оренбургского регионального отделения СРП Виталий Молчанов.

